

— Хорошо! — громко откликнулся Цинь Хэ.

У каждого, кто ведёт торговлю, есть свои приметы, и особенно важно, чтобы первая продажа дня прошла гладко - это открывает удачу.

Пирожки шуйцзяньбао были налеплены ещё вчера вечером: размером с маленький детский кулачок, по семь штук на тарелку. В железную сковороду наливают масло; когда оно прогреется примерно на 60%, кладут пирожки. Огонь нельзя делать большим, нужен медленный, чтобы понемногу обжарить до золотистого, блестящего цвета. В этот момент можно вливать воду, накрывать крышкой и подождать совсем чуть-чуть.

Эту партию Цинь Хэ жарил полной сковородой - они с Куй У, торопясь выйти на торговлю, сами с утра ещё не ели. В торговле так всегда: ешь только тогда, когда выпадет минутка.

— Далан, подай маленький тазик, — сказал Цинь Хэ.

Этот тазик он купил недавно - заранее знал, что тех маленьких блюдец, которыми Куй У пользуется дома и на торговле, может не хватить. Так что тазик - самое надёжное.

Цинь Хэ сначала переложил семь шуйцзяньбао для гостя, выложил их на грубую фарфоровую тарелку и спросил:

— Господин-чиновник, как вам смешать приправы?

— Приправы? Это что ещё такое? — спросил Ху Дачжи.

Маленький навес был и так невелик, а когда Цинь Хэ начал жарить шуйцзяньбао, весь тёплый шатёр наполнился мясным ароматом. Ху Дачжи хоть и был чиновником, и обычно благодаря форме ел-пил без забот, но и ему стоило усилий не поддаться искушению и не уткнуться носом прямо в сковороду. Даже так он всё равно тайком сглотнул слюну.

Цинь Хэ сделал вид, что не заметил, как у того дёрнулся кадык, и указал на несколько маленьких фарфоровых мисочек возле сковороды:

— Здесь у меня соевый соус, уксус, чесночная паста, масло из кизила и кунжутное масло. А вон там перец-хэцзяо. Смотрите, господин-чиновник, что вы любите. А если по моей рекомендации, то лучше всего смешать соевый соус, уксус и чесночную пасту, а в конце капнуть капельку кунжутного масла. Любите остренькое - добавьте немного масла из кизила.

В эпоху Юнци перца чили ещё не было, но это вовсе не мешало людям любить острое. На столах жители Юнци обязательно держали острые приправы. Цинь Хэ использовал масло из кизила вместо острого перцового, и, видимо, уже привыкнув к такому вкусу, ощущал в нём особое очарование.

— Полейте вот так приготовленным чесночным соусом на шуйцзяньбао и, сделав один укус, почувствуете: аромат баранины смешивается с чесночным, получается удивительное, настоящее наслаждение для вкусовых рецепторов, — рассказывал Цинь Хэ так живо, так вкусно, что выражение блаженства на его лице было соблазнительнее самого блюда.

Ху Дачжи и так уже едва сдерживался от голода, а тут Цинь Хэ ещё и так описывает... У того буквально слюнки потекли, хотелось проглотить язык.

Почти не выдержав, он выпалил:

— Давайте так и сделайте!

Но именно в этот момент Цинь Хэ вдруг тяжело вздохнул, медленно добавив:

— Только вот есть у такого способа один недостаток...

— Какой недостаток? — Ху Дачжи даже нервничать начал. Если это вредно для здоровья, то он не станет есть, как бы вкусно ни было.

— Да ничего страшного. Только одно - после чеснока у вас во рту будет чесночный запах.

Чеснок ведь такая штука, когда ешь - наслаждение, а тем, кто вокруг - мучение. Особенно когда человек, наевшийся чеснока, наклоняется к тому, кто не ел, и открывает рот, чтобы что-то сказать, так тому, кто не ел, только нос отрезать и остаётся.

Ху Дачжи, разумеется, прекрасно понимал, что такое чесночный запах. Лицо его слегка переменялось.

И тут Цинь Хэ спокойно продолжил:

— Господин чиновник ведь сейчас в ямен отправится, с коллегами, да возможно и с самим фуинем говорить. Если изо рта будет чесноком пахнуть, это не слишком-то прилично. Лучше посыпать немного перца. А уж как будет свободный день, тогда приходите попробовать с чесночным соусом.

«Тогда зачем ты всё это рассказывал?!» — Ху Дачжи внутренне чуть не взвыл. Так заманчиво описал, аж слюной изошёл, а в итоге «есть нельзя»! Если бы заранее знал, и слушать бы не стал! Да это же чистая пытка!

А Цинь Хэ именно этого и добивался: человек, у которого осталась живая тоска по вкусу, обязательно придёт снова, да ещё и друзей приведёт.

Улыбаясь, он посыпал шуйцзяньбао тонким слоем перца хэцзяо.

В это время вода в котле закипела, и Куй У, подняв половник, попросил Ху Дачжи подать флягу. Он насыпал в неё четыре ложки молочного порошка, залил крутым кипятком, закупорил пробкой и слегка встряхнул, после чего вернул ему.

Ху Дачжи тем временем уже ел шуйцзяньбао, и они оказались даже вкуснее, чем выглядели. Тесто снаружи прожарилось до хрустящей корочки, и стоило откусить, как изнутри мгновенно вырвался обжигающе-густой бульон. Совсем не то, что в домашних пельменях: там вода, а не вкус. А здесь в каждом шуйцзяньбао свой, непередаваемый ароматный сок. Язык и губы обжигает так, что терпеть невозможно, но всё равно тянет прикинуть и втягивать эту густую, горячую, ароматную жидкость до последней капли.

Ху Дачжи так и делал: и пыхтел, и дул, и жадно втягивал бульон, будто боялся, что он сейчас убежит. Только проглотив три штуки подряд, он немного пришёл в себя и осознал, что вёл себя, мягко говоря, не слишком солидно для государственного служащего. О даже осмотрелся исподтишка: не заметил ли кто?

К счастью, оба хозяина, похоже, ещё не завтракали и были заняты своей собственной едой, никакого внимания на его «потерю образа» не обратили. Ху Дачжи расправил спину, принял вид степенного человека и стал есть медленнее и с видом большого достоинства. Краем глаза он заметил стоящую рядом флягу. Откупорил, плеснул полчашки горячего молочного порошка, подождал, пока немного остынет, и сделал глоток.

И тут же вытаращил глаза.

Это было молоко, но не молоко. Мягче, тоньше, слаще, насыщеннее. Вкус напоминал привычный, но был куда богаче и ароматнее. Он проглотил целую чашку горячего молочного порошка в один присест.

Сегодня он явно зашёл к нужному новому прилавку. И вкусно, и необычно, ну чем не повод похвастаться в ямене перед сослуживцами? А там, где чиновники обедают, разговоры обычно только о еде да о развлечениях. Тут и козырь появился.

- Далан, поедим и мы, — Цинь Хэ налил им обоим по полной чашке горячего супа из бараньих потрохов и поставил на стол тазик с шуйцзяньбао.

Этой еды, конечно, кот наплакал - его великану-мужу этим и щели в зубах не заполнить. Но класть на стол побольше шуйцзяньбао нельзя: вдруг потом на продажу не хватит.

Цинь Хэ выглянул из-под полога, приподняв уголок входной занавески, высунув наружу свою маленькую голову:

— Тетя, дайте нам двадцать горячих ху-бинов!

Хозяйка соседнего лотка, тетка Гуань, продававшая лепёшки, сперва опешила. «Сами ведь едой торгуют, что ж у меня-то покупать?» — мелькнуло у неё. Но тут же сообразила: шуйцзяньбао - это ведь мясо, жир, масло - дорогое удовольствие. Наверное, молодые супруги экономят, себе на завтрак хотят взять что подешевле - её лепёшки по две медной монетки штука, ими можно и перебиться.

«Эх, нелегко молодым хозяйство тянуть...» — вздохнула про себя тетка Гуань, а вслух радостно откликнулась:

— Сейчас-сейчас, сейчас будут горяченькие!

Всё же она не удержалась от недоумения: завтрак - это два, ну три ху-бина. Зачем же двадцать? Мелькнула мысль: может, это для того чиновника, который только что у них ел? Но если бы и так, ну максимум один сверху.

Всё это она, конечно, держала при себе, размышляя, пока лепёшки жарились.

«Ладно уж, - тетка Гуань покачала головой. - Какая мне разница, как они там едят, пусть хоть покупают и выбрасывают, лишь бы деньги платили».

Когда ху-бины подрумянились, она сложила их в башенку и, придерживая ладонью, прошла в шатёр, где стояли Цинь Хэ с Куй У.

— Братец, — весело сказала она, — вот твои двадцать горячих ху-бинов.

Внутри действительно было так тепло, что на неё, окоченевшую с улицы, будто мягкая волна жара обрушилась. Тетка Гуань шагнула внутрь, и ноги сами не хотели уходить: тут тепло, уютно, пахнет мясом. Но мысль о собственном прилавке отрезвила. Она взяла плату, стиснула зубы, собрала волю в кулак и всё же выбралась обратно на мороз.

— Тетя, идите аккуратней! — крикнул ей вслед Цинь Хэ.

— А-а-ай! — откликнулась она и скрылась за пологом.

Ху Дачжи же, сидевший внутри, во все глаза смотрел на высоченную стопку лепёшек. Он-то как раз думал: так вот оно что... Может, эти два хозяина договариваются? Эта лавочка пельменей и жареных булочек помогает продавать ху-бины соседки?

Но едва успел подумать, как увидел, что и Цинь Хэ, и Куй У берут по одной лепёшке, ломают на куски, крошат прямо в горячий суп, размешивают... и едят вприкуску с шуйцзяньбао, да с

таким аппетитом, что только щёки ходуном ходят.

Ху Дачжи опустил глаза на свою чашку с молочным напитком и горестно вздохнул. Вот ведь дело... я - чиновник, а ем хуже, чем эти двое торговцев. У них-то, по меньшей мере, и шуйцзяньбао, и овечьи потрошки - и тепло, и сытно.

Ху Дачжи, размышляя обо всём этом, краем глаза продолжал поглядывать на хозяев и заметил, что целая гора ху-бинов и целый таз жареных булочек исчезают с поразительной скоростью. Он так опешил, что даже жевать забыл: сидел с открытым ртом и лишь спустя добрую паузу обрёл голос.

— Эй, хозяин... твой муж и правда способен съесть целый таз этих шуйцзяньбао и такую стопку ху-бинов? — Ху Дачжи смотрел на Куй У странным, неуверенным взглядом.

У Куй У, конечно, и впрямь был... ну... весьма солидный аппетит. Но Цинь Хэ не проявил ни тени смущения, напротив, выглядел совершенно спокойным, будто всё это самое обыкновенное дело.

— Угу, — кивнул Цинь Хэ. — Мой муж хоть и ест много, зато силы у него ещё больше, не зря кормится. Он одним кулаком может размозжить голову взрослому тигру.

Ху Дачжи слушал и чем дальше слушал, тем сильнее чувствовал, что что-то тут совсем не так. Этот маленький супруг, вместо того чтобы переживать, что его муж ест как бездонная яма, наоборот... словно гордится? Будто это то, чем похвастаться можно. Неужели... неужели нынешним шуаньэрам нравятся такие прожорливые, пожирающие всё подряд мужчины?

Ху Дачжи, полный путаных мыслей, невольно встретился взглядом с Куй У и увидел, как тот крепко ухмыльнулся, оскалившись, сжал кулаки, а затем под толстой одеждой вздулись жилистые мышцы. У Ху Дачжи мгновенно похолодело в затылке. Он поспешно опустил голову. В душе у него поднялась и дрожь, и облегчение одновременно: хорошо же, что он не стал, опираясь на свою чиновничью форму, выгонять их без разбирательств. С учётом того, что этот здоровяк кулаком способен размозжить мозги тигру, ему, Ху Дачжи, голову проломить было бы раз плюнуть.

— Хозяин! Хозяин, ты тут? — снаружи палатки раздался голос. Из-за этого навеса люди не понимали, считать ли это лавкой или нет, и потому сами собой повышали статус Цинь Хэ, величая его «хозяином». — Две ляна ваших молочных таблеток, что снаружи!

Цинь Хэ только поднялся, но был мягко прижат обратно Куй У за плечо.

— Я сам, — сказал тот. — Ты ешь горячее, выйдешь на холодный ветер, потом живот скрутит. У меня тело крепкое, мне такие мелочи нипочём.

Цинь Хэ не стал спорить - его здоровье действительно не шло ни в какое сравнение с крепостью Куй У.

Но стоило тому человеку, что купил молочные таблетки, уйти, как будто шлюз открыли - сразу же подошёл следующий.

— Хозяин, дайте два лян мягких конфет и один лян молочных таблеток.

Куй У как раз в этот момент вернулся и едва успел взять чашку, как тут же снова вышел наружу. Однако он несколько не рассердился, наоборот, сразу же положил чашку и пошёл обслуживать. Цинь Хэ поспешно опустил голову и начал есть, быстро закончил и тогда уже вышел сменить Куй У, чтобы тот смог вернуться.

— Я поел. Иди в палатку, ешь, пока не остыло. Ты ешь быстро, поешь и снова выйдешь меня сменить.

— Хорошо, — кивнул Куй У, убедившись, что тёплая шапка на голове Цинь Хэ в порядке, и только тогда вернулся внутрь.

— Маленький братец, а из чего делаются молочные таблетки? И молочные бобы из чего? Почему оба названия с иероглифом «молоко», а цена так сильно отличается?

Не зря это главная улица, ведущая к воротам Чжунчжи, торговля здесь куда живее, чем на Бэйцзяо. Не прошло и сколько-то времени, а в очереди уже стояло человек десять, все пришли за его новинками, молочными таблетками и молочными бобами. И большой красный вымпел с крупными иероглифами «молочные таблетки» и «молочные бобы», и невиданные прежде образцы на прилавке - всего это вполне хватало, чтобы прохожие останавливались и разглядывали.

Цинь Хэ, сияя широкой улыбкой, терпеливо объяснял:

— Из чего сделано, сказать не могу, а то вы и сами сможете делать. Могу лишь сказать одно: это лакомство пришло из западных земель, и пока что никто другой такого точно не продаёт. Это мой муж познакомился с западным купцом и за большие деньги выкупил рецепт.

— Можете купить понемногу, попробовать. Стоит-то всего несколько десятков вэней - не прогадаете, не обманетесь...

Цинь Хэ трещал своим приторно-сладким язычком без остановки. Он продавал совсем не так, как Куй У. Куй У что просят, то и отвесит, что спрашивают, то и ответит. А Цинь Хэ - это совсем другое дело: только подойдёт человек, он уже «дорогой господин», «милостивая госпожа», расписывает свой товар так, будто и на небе такого нет, чуть ли не божественный персик - купил, откусил, и считай разбогател.

И заболтанные Цинь Хэ люди уже сами говорили:

— Тогда дайте мне один лян молочных таблеток и один лян молочных бобов. Куплю понемногу на пробу. Если понравится, приду ещё.

- Хорошо, идите домой, поешьте. Еще никто, попробовав мои молочные таблетки и молочные бобы, не сказал, что невкусно.

— Тогда дайте и мне по одному ляну молочных таблеток и молочных бобов...

— И мне...

— Мне каждого по два ляна...

— А я возьму по три...

Тот самый покупатель, который попробовал и одобрил, тоже отозвался:

— У тебя вещь что надо! А я как раз собираюсь к тестю в гости, думал, что бы такое подарить... Твои молочные таблетки и молочные бобы то, что надо. Дай-ка мне каждого по полцзиня.

Услышав это, Цинь Хэ сразу насторожился: клиент крупный, нельзя упустить. Он тут же удвоил старание и заговорил ещё усерднее:

— Если подарок для старшего, у нас есть вещь, что лучше всего подходит. Это молочный порошок. Он тоже из западных земель. Говорят, тамошние старики и дети любят его пуще всего. Знаете, до какой степени? Если парень и девушка обручаются, жених обязан принести молочный порошок в дом невесты - это символ статуса. Всё равно как у нас: в зажиточных семьях от сватов непременно требуют гусей.

- Если не верите, зайдите и попробуйте. Всего три вэня за чашку горячего молочного порошка, три вэня не деньги!

Цинь Хэ вытянул шею и крикнул:

— Далан, завари-ка чашку горячего молока для этого гостя!

Тот человек, поддавшись на уговоры Цинь Хэ, и впрямь зашёл и выпил чашку горячего молочного порошка. Попробовал и понял, что это именно то, что нужно. Сейчас коровье и овечье молоко редкость, тесть его и рад бы попить, да не купишь: всё богатые господа расхватали. А этот молочный порошок вкуснее молока, вкус более нежный, как раз подойдёт

старому человеку.

«Если я такое отнесу, — подумал он, — точно придётся ему по душе. А там, глядишь, в хорошем настроении он и Сань-нян за меня тут же выдаст».

Вернее сказать: он называл его «тестем», но на самом деле свадьбы ещё не было. Он и Сань-нян лишь обручены, просто он уже был настолько доволен этой помолвкой, что в незнакомом месте позволял себе так говорить вслух.

— Хозяин, почём молочный порошок? — спросил он, но в душе уже решил: если цена не запредельная, купит обязательно.

- Тридцать пять вэней за шэн, — ответил Куй У.

— Дайте один шэн.

Куй У взял деньги и положил их в стоящую возле печки денежную шкатулку - деревянный ящичек, крышка которого выдвигалась как ящик комода. Малый бизнес, что тут говорить: кто сюда приходит, все носят с собой лишь медяки, а они тяжёлые, вот такая шкатулка самое удобное. Только от неё ни на шаг нельзя отходить.

Снаружи тоже нашлись люди, которым стало интересно, что это за диковинный шатёр. Подошли, позадавали вопросы. Цинь Хэ, даже видя, что спрашивают вовсе не о еде, всё равно приветливо улыбался и отвечал:

— Внутри стоит печка, тепло - ничуть не хуже, чем в настоящем магазине. Мы ведь специально и поставили этот навес, чтобы гости, покупая наши шуйцзяньбао, не стояли с чашкой на морозе.

Он оглядел мужчину с сумками и, угадав, что тот давно на ногах:

— У вас в руках столько всего, наверное вышли рано, да? Не успели позавтракать? Зайдите, попробуйте наши шуйцзяньбао. С бараниной пятнадцать вэней за порцию, свинина с капустой всего восемь. А сверху ещё горячего молочного порошка за два вэня чашка. Гарантирую, прогреет до костей, потом два часа хоть по ветру ходите, не замёрзнете.

Он попал в самую точку: мужчина и правда не завтракал, хотел было купить пару лепёшек у соседки ради перекуса. А тут и тепло, и горячее, и всё вместе за десятку... Сердце дрогнуло: он махнул рукой и шагнул внутрь.

Куй У готовить шуйцзяньбао не умел, и Цинь Хэ окликнул его:

— Далан, ты доел?

Куй У схватил последнюю лепёшку, сунул в рот и, жуя, пробормотал:

— Доел.

С этими словами он вышел наружу, подменив Цинь Хэ, чтобы тот мог снова встать к плите и жарить шуйцзяньбао - всё-таки именно они приносили основную прибыль. Хотя и стоят они по несколько вэней за порцию, навар с них шёл приличный.

В это время как раз начиналось утреннее движение: чиновники, служки, подёнщики - все, кому предстояло идти в Нэйчэн на работу, проходили именно по этой улице. И взгляд сразу цеплял аккуратный, тёплый шатёр, который соорудил Цинь Хэ.

Идешь по улице, холодом продувает до костей, ноги уже ватные, а тут за каких-то десять вэней можно поесть горячего и отогреться. Конечно, многим хотелось зайти. Были и те, кто сэкономил: покупали у тетки Гуань одну лепёшку, а потом заходили к Цинь Хэ выпить чашку горячего молочного порошка. И таких клиентов Цинь Хэ встречал ничуть не хуже остальных, с той же улыбкой и радостью.

Стаканчик горячего «молока» стоит всего три вэня, но и себестоимость смешная: из сырья на три вэня Цинь Хэ мог развести двадцать чашек. Как же ему не быть довольным таким гостям?

А тем временем Ху Дачжи, позавтракавший утром вкусно и сытно, бодро направился в ямен. Благодаря горячему завтраку он почти не мёрз по пути, не то что обычно, когда к воротам приходил уже замороженный. Сегодня всего один глоток горячего молочного порошка, и по всему пути до службы он не почувствовал холода.

Когда в ямене нет дел, их, рядовых урядников, обычно ничем особо не нагружают. Они собираются группой и перемалывают языками кто о чём.

Ху Дачжи, размахивая руками, продолжал рассказывать о том самом утреннем шатре:

— Вы даже не представляете! Снаружи ну обычный шалаш, смотреть не на что. А внутри тепло такое, что ровно как в ресторане! И эти их шуйцзяньбао - ах, братья, это же не пирожки, а чудо. Сок внутри... чем горячее, тем вкуснее. Да ещё чесночный соус сверху, так аппетит разгуляется, что язык откусишь! Я вот только потому чеснока не ел, что на службу шёл, а так уж точно бы попробовал, там вкус отдельный.

Сослуживцы слушали, сглатывали, переглядывались. Видя, как их всё больше тянет к его рассказу, Ху Дачжи вошёл во вкус:

— А ещё у них есть молочный порошок! Молочный! И вкуснее, чем домашнее коровье молоко -

мягкий, нежный, шёлковый, особенно горячим. Одна чашка всего три вэня!

— Да ну? — не выдержал один. — Точно не врешь? Может, ты приукрасил, а?

— Мне-то зачем врать? — обиделся Ху Дачжи. — Я с этим хозяином даже не знаком, мне с того что? Захочешь, завтра сам сходишь, попробуешь, всё и узнаешь.

Тут другой товарищ хитро прищурился, глядя на его флягу:

— Если этот твой молочный порошок такой уж вкусный... ты чего ж себе полный мешок не набрал? Чтобы вот сейчас, пока сидим, прихлёбывать-то?

Ху Дачжи аж поперхнулся. Конечно, он налил себе порошка, целый мешок, но делиться вовсе не собирался. Хотел оставить, чтобы понемногу потягивать втайне, когда захочется.

Но его выражение лица выдало всё. Сослуживцы мигом сообразили, переглянулись и в следующую секунду навалились на него всей толпой. Прижали к земле, стянули фляжку и начали пить по очереди.

— Оставьте мне глоток! Это мой молочный порошок! — жалобно орал Ху Дачжи, бессильно дрыгая ногами.

Когда фляжка вернулась к нему... она была пустой. Сухой. Ни капли. Только пахло молоком. Ху Дачжи едва не плакал, обняв пустую фляжку. Пришлось налить туда горячей воды и уныло прихлёбывать её «с привкусом порошка».

Но и это оказалось ненадолго. Тех, кто успел сделать всего один глоток настоящего молочного порошка, теперь разбирала ярость и зависть. Тут один из самых зажиточных чиновников хлопнул ладонью по столу:

— Да это же издевательство - дать человеку один глоток! Так даже детей не дразнят! Ладно, решено: кто-то из нас идёт покупать. Пусть каждому, кто хочет, принесёт полный мешок. Остальные прикроют.

Он оглядел остальных и добавил:

— Если начальник спросит, скажем, что отправили его по делу, по служебной надобности.

Толпа одобрительно загудела. Теперь у всех появилось дело куда важнее службы - добыть себе полную флягу горячего, сладкого, молочного порошка.

Другие чиновники, у которых тоже стало сладко во рту после единственного глотка, поспешно поддержали:

— Верно! Так и сделаем!

Обошли всех присутствующих в управе и оказалось, что каждый из десятка дежурных хочет свой мешок молочного порошка. Несколько человек, узнав, что целый шэн стоит всего тридцать пять вэней, тут же попросили прихватить ещё по шэну для жен и для стариков дома.

Тут кто-то предложил:

— А давайте скинемся ещё по три вэня, купим шэн и для начальника. Стоимость невелика, зато это будет наш знак уважения. Потом, если кто опоздает или уйдёт пораньше, господин, может, и закроет глаза.

— Верно! — отозвались остальные.

И каждый добавил ещё по три вэня.

В это время у Цинь Хэ дел хватало. Утренний поток был такой, что от вчерашней партии шуйцзяньбао с начинкой из баранины осталось едва ли штук пятьдесят. Он радовался: это ведь первый день, без всякой славы, а дела идут так хорошо. Что ж будет дальше, когда про их лавочку заговорят все?

После утреннего наплыва дело немного стихло. Обычно тетка Гуань, хозяйка соседнего лотка с лепёшками, и не замечала холода, привыкла стоять на ветру. Но сегодня, глядя на тёплый уютный шатёр соседа, она вдруг почувствовала, как жутко мёрзнет. Подумав миг, тетка Гуань взяла из своего денежного ящичка три вэня, велела мужу присмотреть за прилавком, а сама юркнула в тёплый шатёр.

Только переступив порог, тетка Гуань сразу громко пожелала:

— Пусть торговля процветает!

Одновременно её взгляд быстро обшарил весь тёплый шатёр - она искала ту высокую стопку лепёшек, что принесла утром. Но не увидела ни одной!

Цинь Хэ в этот момент держал в руках чашу горячего молочного порошка и, услышав пожелание, улыбнулся:

— И вам, тетя, процветания. Заходите, присаживайтесь.

Тетка Гуань шагнула внутрь. С Цинь Хэ она не была особенно близка, пару раз обменивались словами, не больше. Поэтому просто так сидеть и греться ей казалось неловко. Зато мороз снаружи пробирал до костей, а здесь было так тепло, что она поспешила найти повод остаться:

— Я пришла попробовать ваш молочный порошок. С самого утра только и слышу, что он у вас необыкновенно вкусный. Так и слюной изойти можно, вот и выкроила минутку прийти попробовать.

Цинь Хэ прекрасно понимал её истинный мотив - погреться. Но нисколько не возражал: сейчас в шатре никого нет, а ей тепло и ему вовсе не мешает.

А Куй У тем временем поднялся, взял оплату и приготовил ей чашу горячего напитка.

Тетка Гуань отпила, и глаза у неё засветились:

— И правда вкусно! Не просто так все хвалят. Мне тоже нравится, даже лучше обычного молока.

Цинь Хэ улыбнулся и сказал:

— Если тете нравится такой вкус, заходите почаще. Мы ведь соседи, рассчитаю дешевле.

Тетка Гуань поблагодарила и, смягчившись, добавила:

— Моя фамилия Гуань, зовите меня Гуань-дасао. А как тебя зовут, братец?

Цинь Хэ ответил:

— Мой муж по фамилии Куй. Зовите меня Куй-фулан.

Как он и ожидал, стоило произнести эти слова, лицо Куй У заметно просветлело. Когда их взгляды встретились, тот даже одарил его выразительным, почти похвальным взглядом. Цинь Хэ едва удержался, чтобы не рассмеяться, и поспешил отвернуться.

Гуань-дасао между тем продолжила:

— У вас тут в шатре и правда тепло. Должно быть, дорогая вещь?

Цинь Хэ скрывать не стал, в конце концов, это всего лишь навес, а не секрет рецепта.

— Эта палатка сделана у мастера Фэна на улице Линьхэ во внешнем городе. Такая, как у нас, обошлась бы в двести с лишним вэней.

Он намеренно назвал цену повыше, ведь мастер Фэн сделал для них по дружбе и взял меньше положенного. И разглашать чужую скидку перед третьими лицами было бы неправильно.

Гуань-дасао не ожидала, что Цинь Хэ так прямо всё расскажет, даже адрес мастера назвал. Она опешила на миг, а потом сказала:

— Двести с лишним... это ведь тоже немало. Мне надо продать больше двух сотен своих лепёшек, чтобы столько выручить.

На самом деле это была прибыль всего одного дня, просто рука не поднималась столько выложить сразу.

Цинь Хэ не стал уговаривать, лишнее слово могло вызвать ненужные подозрения. Они знакомы слишком поверхностно, чтобы он мог рассуждать перед ней о таких вещах.

<http://bllate.org/book/13598/1205848>